

На правах рукописи

Папушева Оксана Николаевна

**Кризис испанского общества конца XVI- первой половины XVII века в
свете междисциплинарного анализа ментальности пикаро
(по плутовским романам)**

07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2006

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель кандидат исторических наук, доцент
Николаева Ирина Юрьевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Краснова Ирина Александровна,
кандидат исторических наук, доцент
Супрыгина Галина Гавриловна

Ведущая организация: Институт всеобщей истории РАН

Защита состоится 14 апреля 2006 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ауд. 41.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34 а.

Автореферат разослан «11» марта 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.А. Харусь

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы исследования и актуальность её решения.

Конец XVI –XVII вв. по отношению к Испании в историографии традиционно рассматривался как период, обладающий хронологической и культурно-исторической целостностью. Этот период не раз привлекал внимание специалистов из самых различных областей гуманитарного знания, которые то указывали на него как на время глубокого упадка, краха некогда могущественной монархии (В.К. Пискорский, Р. Альтамира-и-Кревеа, И.В. Арский, Э.Э. Литаврина, Н. Томашевский), то констатировали феномен «рефеодализации», «консервации архаической феодальной структуры» (Э.Э. Литаврина, В.А. Ведюшкин, Е. О. Ваганова), то говорили о «кризисе XVII века», «кризисе культуры XVII века», подчеркивая переходный характер испанского общества и культуры (Х. А. Маравалль, А. Домингес Ортис, Ф. Бродель, А. Кастро, Л. Пинский и др.). В последнее десятилетие ракурс рассмотрения этого времени все чаще смещается в плоскость исследования отмеченных явлений в плане выяснения специфики раннеиспанских процессов Перехода. Исследователи высказываются в пользу «прерывистости испанской модернизации», тем самым, подтверждая тот факт, что в Испании наряду с другими европейскими странами, модернизация все-таки началась.

Об особой **социальной и научной актуальности** этой проблемы свидетельствует тот факт, что не только историки, но и специалисты из других гуманитарных наук приводят Испанию конца XVI – первой половины XVII века в качестве примера страны, которая попадает в накатанную, но не ведущую к развитию колею модернизации. Казалось бы, имея, как ни одна другая страна Европы раннего Нового времени, всё необходимое для успешной модернизации: американское золото и серебро, колонии, сильные и свободные города, унаследованные от прежней эпохи навыки развитой торгово-ремесленной жизни, первый опыт политики протекционизма, «опробованной» Фердинандом и Изабеллой, она должна была бы воспользоваться выгодной экономической и политической конъюнктурой. Однако это не произошло, и Испания оказалась на периферии европейской истории. При всем многообразии исследовательских

подходов, наличии богатейшего круга литературы, посвященной этой проблематике, отсутствует удовлетворительная системная интерпретация пробуксовки модернизационных процессов на испанской почве.

Подчеркнем, что значимость решения данной проблемы особо актуализируется характером современной ситуации. В условиях современного мира, остро ставящего проблемы, связанные с преодолением издержек процессов глобализации или компенсации теневых сторон модернизации, выявление условий, детерминирующих «пробуксовку» процессов реформирования, реактуализирует изучение природы тех срывов и откатов назад, с которыми, в той или иной мере, оказались связаны все этапы развертывания процессов модернизации в других странах, прежде всего, европейской периферии и полупериферии. Поэтому исследование природы и специфики кризиса конца XVI – первой половины XVII века в Испании имеет для современного социогуманитарного знания ярко выраженный социальный интерес.

Научная актуальность решаемой в диссертации проблемы оттеняется также теми обстоятельствами, что в работе предпринимается попытка на конкретном материале показать возможный формат работы с исследуемыми сюжетами в режиме наведения мостов между объяснением в рамках теорий макроуровня и тем знанием, что было наработано в рамках конкретно-исторического изучения проблемы, микроисторического анализа тех или иных явлений, связанных с природой данного феномена. Корректное сопряжение исторических знаний, наработанных в микро- и макро-формате возможно только при обращении к проблемам ментальности. Таким образом актуальным является и исследовательский ракурс рассмотрения проблемы – через призму ментального склада, основных ценностных ориентиров испанского общества.

Объект и предмет исследования Объектом исследования является испанская действительность конца XVI – первой половины XVII вв. Предмет исследования - особенности испанской модернизации раннего Нового времени, выявленные при помощи междисциплинарного анализа ментальности пикаро.

Степень изученности проблемы.

Поиски причин испанского фиаско велись едва ли не с конца XVI века и ведутся до сих пор. Впервые данная проблематика была обозначена еще арбитрами. Впоследствии историками и представителями других гуманитарных дисциплин, обращавшимися к анализу феномена испанского кризиса, как правило, указывался самый широкий круг причин, как конкретно-исторического характера, так и связанных со сферой ментальности.

К первому направлению следует отнести работы исследователей, которые при определении причин испанского кризиса не раз обращались к анализу экономической и политической ситуации в стране, акцентируя свое внимание на универсалистской политике правительства, негативным образом сказывавшейся на экономическом развитии страны и положении различных социальных слоев. Это работы таких авторов, как: Р. Альтамира-и-Кревеа, В. К. Пискорского, Э.Э. Литавриной, А.Н. Чистозвонова, М.А. Барга. В исследованиях последних трех историков, наметившееся отставание Испании от таких стран как Англия и Франция рассматривалось с одной стороны, как следствие своеобразия испанского абсолютизма, с другой как результат слабости буржуазного уклада.

Ко второму направлению следует отнести работы таких исследователей, как М. Фернандес Альварес, А. Кастро, Х. Каро Бароха, Д.К. Петров, В.А. Ведюшкин, Х. Гуггисберг, В.М. Раков, Х.А. Маравалль, которые наряду с экономической политикой Империи выделяли значимость духовно-психологических факторов. Они писали о царившем духе «героической лени», авантюризме, религиозном фанатизме и суеверии, презрении к труду, и т.п. настроениях, сыгравших роль в том, что испанское общество так и не направило свои интересы и энергию в сферу экономики, труда, но растрачивало силы в военно-имперской политике.

Среди работ, касающихся характеристики умонастроения испанского общества раннего Нового времени можно выделить культурологические исследования Л.Е. Пинского и В.И. Силюнаса, чей информационный ресурс должен быть использован при воссоздании картины испанского кризиса. Проблема испанского кризиса XVII века рассматривалась в этих и других

литературоведческих и искусствоведческих трудах сквозь призму теории художественных и культурных стилей.

Среди ученых-историков, наиболее успешно работавших в рамках заявленной тематики, рассматривавших проблему затянувшейся испанской стагнации с точки зрения социальной истории ментальности, следует особо выделить испанского исследователя Хосе Антонио Маравалля. В одной из последних своих работ «Плутовской роман с позиций социальной истории: XVI и XVII века» он обратился к анализу менталитета пикаро. Рассматривая плутовство как одно из самых значительных явлений испанского кризиса XVII века, испанский исследователь может помочь нам в формулировке задачи - понимания общего (своеобразие модернизации в Испании) через частное (менталитет пикаро).

В качестве основополагающего методологического принципа испанский историк, следуя традициям школы «Анналов», использовал принцип междисциплинарности, а также исходил из посылки, что реконструкция мировидения пикаро возможна лишь в рамках анализа ментальности как структурной целостности. Метод, на котором основывался Х.А. Маравалль, заключается в считывании данных различных классов источников, с тем, чтобы посмотреть на изучаемый феномен с разных сторон. Однако поставленная автором цель - исследование мыслительной переработки, которой подвергаются идеи, выдвигаемые интеллектуальной элитой – ограничивает возможность достижения искомой целостности. Его метод подразумевает некую прямую реконструкцию связей между отрефлексированной частью «ментальной материи» и тем, что именуется экономико-политическим ландшафтом, что не может не привести к утрате очень важного элемента их составляющего – эмоций, настроений, психологической стилистики артикулирования тех или иных ценностей.

Между тем именно эмоционально-психологическое интонирование тех или иных ценностных установок позволяет вскрыть истинное глубинное отношение личности к ним, которое может находиться в прямом противоречии с декларируемым идеалом. Отсюда проистекает, как нам представляется, и некая

уплощенность реконструируемой исследователем картины трансформации менталитета нарождающегося буржуазного общества.

Цели и задачи исследования.

Цель диссертации

Используя конкретную междисциплинарную исследовательскую стратегию, фокусируемую на бессознательном, разработанную в рамках томской методолого-историографической школы, выявить возможные контуры комплексного исследования особенностей испанской модернизации раннего Нового времени на основе анализа менталитета пикаро.

Задачи исследования:

1. Проанализировать основные устойчивые смысловые коллизии плутовских романов как выражение мироощущения социально-психологического типа личности в условиях кризиса конца XVI- первой половины XVII вв., а также выявить линии возможной актуализации этих смыслов для различных слоев и групп испанского общества раннего Нового времени.

2. На основе этого реконструировать комплекс базовых ценностных ориентаций маргинального слоя пикаро в контексте тех процессов трансформации испанского общества, которые свидетельствовали о его вступлении в стадию Перехода.

3. Полагаясь на наработанный историографический багаж, а также ресурс используемой полидисциплинарной технологии анализа, провести анализ трансформации психосоциальной идентичности низшего дворянства и торгово-ремесленных слоев испанского общества, оказавшихся в условиях кризиса в маргинальной среде или симпатизировавших ей: прежде всего установок, связанных с трудом, богатством, становлением новой формы политического сообщества, т.е. национального государства и приватной сферой.

4. Провести экспертизу сделанных наблюдений и выводов, при помощи анализа гендерного среза сознания пикаро.

5. Показать методологический ресурс использованной исследовательской стратегии для системного анализа причин и природы «пробуксовки» модернизационных процессов в Испании

Методологические основания исследования.

Диссертация выполнена в системе теоретико-методологических координат полидисциплинарной технологии анализа, разработанной в рамках томской методолого-историографической школы (И.Ю. Николаева). Она формируется за счет вполне определенных широко вошедших в научный оборот концепций установки, габитуса, идентичности, социального характера, и некоторых других теорий и методов, когерентных друг другу. Ее новизна в отличие от других междисциплинарных исследовательских стратегий заключается в том, что комплектующий ее инструментарий имеет общий методологический фокус (бессознательное) и методологическое сходство в ключевых понятиях, что позволяет использовать привлекаемые концепты и методы в режиме взаимодополняемости и взаимоконтроля. Подбор методологического инструментария не является постоянным, раз и навсегда зафиксированным. Он напрямую зависит от объекта исторической действительности и определяется предметом научного поиска, хотя далеко не всякий концепт или метод может быть использован в качестве рабочего инструмента данной аналитической технологии.

В данном случае наиболее «работающими» концепциями, позволяющими обнаружить и проанализировать ценностные установки личности в условиях исторических перемен, которые не проявляются при помощи построения системы категорий и тем более не улавливаются конкретно-историческими методами, являются: концепция габитуса П. Бурдьё, теория идентичности Э. Эриксона, теория установки Д. Узнадзе, теории смеха С. Аверинцева, Л. Карасева, а также современные социологические теории маргинальности. Следует отметить, несколько переиначив суждение Дж. Тоша, что любая теория, будучи интерпретационной схемой, может придавать новый импульс исследованию. Добавим, что это тем более верно, когда речь идет о нескольких взаимопересекающихся и комплиментарных теориях.

Источниковая база исследования.

Основным источником в работе над диссертацией явились так называемые пикарески (испанские плутовские романы), чей информационный ресурс до сих пор практически не привлекал внимание отечественных историков. В поле нашего анализа попали 8 пикаресок, а именно: «Селестина» Фернандо де Рохаса (1501), «Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения» неизвестного автора (1554), «Гусман де Альфараче» Матео Алемана (1 часть – 1599, 2 часть – 1604), «Жизнь Маркоса де Обрегон» Висенте Эспинеля (1618), «История жизни пройдохи по имени дон Паблос» Франциско де Кеведо-и-Вильегаса (1626), «Хромой бес» Луиса Велеса де Геверы (1641), «Севильская куница, или удочка для кошельков» Алонсо де Кастильо-и-Солорсано (1642) и «Жизнь Эстебанильо Гонсалеса, человека хорошего настроения, составленного им самим» (1646).

Выбор данного источника определяется следующими мотивами:

Во-первых, большой популярностью пикаресок среди современников. Об этом свидетельствует как значительное количество самих романов, вышедших в свет с сер. XVI до конца XVII века (порядка 35), так и их многочисленные переиздания. Так, например, «Ласарильо с Тормеса ...» до конца XVII века издавался 33 раза, роман Матео Алемана «Гусман де Альфараче» - 41 раз, причем за первые пять лет после написания он выходил в печать 23 раза, (не считая многочисленных пиратских переизданий, которых, по свидетельству самого М. Алемана, насчитывалось не менее 26). Для сравнения, Дон Кихот М. Сервантеса за этот же период издавался 10 раз.

Во-вторых, выбор источника определен историческим долголетием основного героя романов – пикаро, как следствие принятия этого литературного типажа испанской читающей публикой. В переводе с испанского *picarigo* - низкий, подлый, хитрый, лукавый, а также подлец, плут, хитрец, озорник, проказник, шалун. Впервые это слово было зарегистрировано в литературных текстах 1540-х гг. Означало оно человека, занятого черным трудом, не имеющегося своей профессии и живущего случайными заработками, бродягу, мошенника. Однако в данном случае, учитывая неоднократно отмечаемый самыми разными

исследователями знаковый характер фигуры испанского плута, автор диссертации рассматривает пикаро шире, понимая под ним особый социально-психологический тип людей, сложившийся в Испании на пороге Нового времени, человека, «выбитого из колеи», маргинала, чья идентичность носила не просто спутанный, как выразился бы Э. Эриксон, но деформированный характер, с большим грузом социально негативных установок сознания и поведения.

Вырисовывающийся в плутовских романах образ испанского маргинала, человека живущего постоянным нарушением писаных и неписаных законов общества, никак не вызывает ощущения отторжения или осуждения его окружающими. Встает вопрос – почему этот образ оказался если не привлекательным, то притягивающим внимание широкой аудитории? Не было ли это связано с особенностями ментальности различных слоев испанского общества? Именно на этот вопрос, чрезвычайно важный для решения центральной проблемы исследования, невозможно ответить, минуя анализ плутовских романов, в которых как в зеркале отразилась ментальная атмосфера испанского общества данного времени.

Кроме того, следует отметить важность внеисточникового знания в решении поставленных в диссертации задач, а именно информативного ресурса, который содержат как работы собственно исторического плана, так и научные труды литературоведческого, культурологического и историко-философского плана.

Прежде всего, это сочинения, в которых предпринимались попытки целостного анализа исторической и культурной ситуации Испании конца XVI – XVII вв., таких авторов, как Ф. Бродель, Р. Альтамира-и-Кревеа, В. К. Пискорский, Х.А. Маравалль, А. Домингес Ортис, Х.И. Гутьерес Ньето, В.М. Раков, М. Фернандес Альварес, Д. К. Петров, Л. Е. Пинский. Кроме того, в работе над диссертацией использовались научные исследования, в которых отмечены попытки реконструкции тех или иных аспектов испанского кризиса, а также содержатся зарисовки испанской действительности. К ним можно отнести статьи Э.Э. Литавриной, В.А. Ведюшкина, О.И. Варьяш, Е.О.

Вагановой, Х. Гуггисберга; монографии М.В. Барро, М. Дефурно, В. Прескотта, Х. Каро Барохи, А. Кастро, Н. Эптон, А. Красноглазова, С. Г., Плавскина, С.А. Прокопенко, Дж. Плейди, Р. Стенюи, В.И. Силюнаса, С. Швастера и др.

В ходе работы над проблематикой диссертационного исследования при анализе отдельных сюжетов автором использовались и научные труды Й. Хейзинги, Ж. Ле Гоффа, А.Я. Гуревича, Ю.Л. Бессмертного по истории ментальности, ставшие классикой исторической антропологии.

В поле зрения автора данного исследования попали работы историков, изучающих институциональные, политические, социальные и иные аспекты исторической действительности переходного периода на материале других европейских стран: М.А. Барга, И.А. Красновой, М.Ю., Реутина, П.Ю. Уварова, Н. Элиаса и др., а также исследующих отдельные психосоциальные особенности ментальности людей, живших во время смены ценностных систем: Г.-Ю. Бахорского, Г.С. Кнабе, Л.М. Брагиной, М. Оссовской, Ю.П. Малинина.

К работе были привлечены многочисленные исследования литературоведческого и культурологического характера, таких авторов как С.С. Игнатов, С.И. Пискунова, З.И. Плавский, Н. Томашевский, С. Швастер, в работах которых приведены биографии авторов романов, проанализированы тексты пикаресок. Многие наблюдения, исторические зарисовки и сопоставления, а также теоретические рассуждения, приведенные в данном диссертационном исследовании, были сделаны в ходе творческого сотрудничества с И. Ю. Николаевой. Работа в методологических семинарах под её руководством, имевшая своей неотъемлемой составляющей дискуссии и конструктивный диалог с коллегами, работавшими в рамках этого семинара (С.В. Карагодиной, Н.В. Карначук, О.Н. Мухиным, Т. И. Зайцевой, А. Ю. Соломеиным, Н. А. Сайнаковым), во многом провоцировали постановку новых вопросов и проверку делаемых выводов.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XVI – первую половину XVII века, время, когда кризисные процессы в испанском обществе приобрели наибольшую остроту.

Новизна исследования. Проведенное исследование является первым в отечественной историографии комплексным междисциплинарным исследованием специфики ранней испанской модернизации. Следует специально акцентировать новизну источниковой базы – плутовские романы, не привлекаемые ранее отечественными историками, но обладающие большим эвристически-информативным потенциалом для реконструкции ментальности общества. Эта источниковая база вкупе с тем, что было наработано традицией, а также благодаря ресурсным возможностям использованной оригинальной исследовательской технологии полидисциплинарного анализа плутовских романов, впервые позволила обосновать гипотезу о системном характере испанского кризиса конца XVI – первой половины XVII в.

Структура исследования подчинена целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, 3-х глав, заключения, списка источников и использованной литературы. При определении структуры исследования за основу было взято представление П. Бурдые о социальном пространстве как системе взаимозависимых полей. Проблемы ментальности, связанные с политическим и экономическими полями, а также со сферой гендерных отношений выделены в отдельные блоки.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** определяются актуальность избранной темы исследования, анализируется состояние научной разработанности данной проблемы, формулируются цели и задачи диссертации, даётся характеристика её теоретико-методологических основ, исторических и историографических источников, обосновывается её структура.

Первая глава «Национально-политические и этно-религиозные идентификации как свидетельство кризиса империи Габсбургов» посвящена анализу трансформации национально-политических и этно-религиозных установок испанских пикаро, а также отчасти представителей идальгии, торгово-ремесленных слоев и интеллектуалов, который был проведен с использованием

междисциплинарной исследовательской стратегии. Глава состоит из трех разделов.

В первом разделе «Испания, окружающий мир и образы «чужих» в плутовских романах: кризис идентичности, крах империи» предприняты попытки анализа глубинных причин длительной приверженности Испании имперской политике, которая проводилась в ущерб собственной экономике и интересам сословий. Исходя из убеждения, что не только в имперских устремлениях правителей из дома Габсбургов кроется причина несформированности государства национального типа, автор данного исследования обращается к анализу ценностных установок пикаро, лежащих в основе их идентификаций с государством, которые позволяют выйти на реконструкцию умонастроения представителей других сословий. Материал источников свидетельствует о том, что господствующими настроениями в испанском обществе были религиозная нетерпимость, зависть к преуспевающему «чужаку», приведшие к росту ксенофобии, которая нашла свое выражение в массовом движении за «чистоту крови». В тексте раздела анализируется природа этих ценностных ориентаций, которая кроется в изменениях психосоциальной идентичности многих социальных слоев испанского общества, вызванных специфическими условиями становления товарно-денежных отношений на испанской почве. Сформированный негативно-ценностный комплекс установок долгое время подпитывал форс-идею Империи как силы, способной наказать «виновников» собственных бед, будь то мавры, мориски, турки или еретики-протестанты.

В то же время источник улавливает некое противоречие между фиксированными установками, связанными с отождествлением себя с всё ещё мощной Империей, и новыми условиями бытования испанцев, когда меняющиеся реалии жизни, важность денег как одного из доминантных компонентов новоевропейского стиля жизни на фоне военных и морально-символических поражений, которые терпела Империя, создавали почву для дистанцирования от тех самых героико-имперских ценностей, которые скрепляли психосоциальную идентичность времен Фердинанда и Изабеллы.

Поэтому неудивительно, что идентичность испанских плутов (и не только плутов), основной смысловой установкой которых является выживание любым путем, очень быстро обрела деформированный характер. В плутовских романах появляются образы, свидетельствующие о наметившихся сдвигах в этно-политическом сознании испанского общества, которые проявляются в такой важной их составляющей как деформация прежних героико-имперских и религиозно-мессианских ценностей. Важно подчеркнуть, что наметившийся духовно-религиозный сдвиг в умонастроениях основных агентов социального поля не привел, если судить по текстам романов, к трансформации ментальности бюргерства и дворянства в сторону формирования и укоренения ценностных установок буржуазно-национального толка.

Во втором разделе «Природа государственной власти глазами пикаро» продолжают поиски ответа на вопрос о специфике природы «наднационального» характера испанского абсолютизма, в частности, автор диссертации заостряет внимание на проблеме отсутствия должного давления со стороны сословий на королевскую власть. Тезис о том, что вследствие слабости торгово-предпринимательских кругов корона в своей политике не учитывала их интересы, высказанный в третьем томе «Истории Европы», верный по своей сути, не проясняет до конца мотивы действия (точнее бездействия) сословий в отношении государственной власти. Для того чтобы более детально разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к анализу тех установок сознания, которые не позволяли подданным короны оказывать давление на власть с целью переориентации её интересов.

Прежде всего, речь должна пойти об идентификации с персоной короля. В глазах героев плутовских романов, правящие в этот отрезок времени короли: Филипп II, Филипп III и Филипп IV, выглядят «величайшими в мире монархами». В отношении к ним в сознание слоя пикаро удерживались ценностные установки средневекового образца, согласно которым личность государя сакральна, а потому авторитет её непререкаем.

Все же, несмотря на эти господствующие в испанском обществе настроения, которые Г.Т. Бокль в свое время обозначил как «благоговение к

своим королям», божественный ореол королевской власти стал постепенно меркнуть. Однако недовольство политикой центральной власти не было рационализировано в адекватных понятиях. На трансформацию ценностей, связанных с королевской властью, на начавшийся процесс её десакрализации, указывает характер смеха, разлитого на страницах плутовских романов. Он же, впрочем, свидетельствует о том, что процесс десакрализации персоны короля только обозначился. Ригидный механизм супер-эго не позволял личности, будь то пикаро, добропорядочный бюргер, идалго или интеллектуал, психологически дистанцироваться от символически-значимой фигуры правителя. Поэтому чувство психологического дискомфорта снималось путем переноса вины с королевской власти, на ближайшее окружение и чиновников. Иначе говоря, включался защитный механизм психики – замещение, посредством которого сознание испанцев пыталось избежать возможного «обнаружения» им ставшего небезоговорочным авторитета правителя. Вельможам, сановникам, представителям судейского сословия и муниципальной власти в плутовских романах даются исключительно негативные характеристики. Это отнюдь не означает, что в испанской действительности не имели место такие явления как коррупция, своекорыстие в сфере государственного и местного управления. Наоборот, они приобретали зачастую небывалый размах. На фоне неоформленности идеала «общего блага», «честного служения» государству и обществу в среде чиновников господствовало избыточное утверждение «наживы любой ценой», что является показателем существенной деформации ценностного ряда, связанного с формированием новой формы политического сообщества – национального государства.

В третьем разделе «В погоне за честью: деформация ценностных ориентиров испанцев в свете междисциплинарного анализа ментальности пикаро» исследуется феномен «мании аристократизма», охватившей самые широкие слои испанского общества на рубеже Нового времени. В разделе рассматриваются как истоки данного феномена, уходящие во времена Реконкисты, когда имела место своеобразная «демократизация»

аристократических ценностей, так и исторические обстоятельства XV – XVI вв., когда вследствие принятия муниципалитетами «Статутов о чистоте крови» стремление влиться в ряды привилегированного сословия многократно возросло, тем самым, сделав приобретение идалгии не только психологически, но и прагматически значимым. Экстенсивное распространение аристократических ценностей в конце XVI – первой половине XVII в. шло параллельно с девальвацией их истинного содержания, связанного с рыцарским идеалом чести, в котором главное место занимали личная доблесть и доброе имя. Данные источника точно передают атмосферу этого своего рода коллективного психоза, связанного с гипертрофированным чувством псевдочести. На страницах романов можно встретить массу примеров, подтверждающих нравственно-психологический сдвиг в сознании испанцев, который свидетельствует о кризисе рыцарского идеала чести. Это и описание многочисленных случаев покупки и узурпации дворянского титула, и демонстрация внешнего проявления социальной успешности, и пустое тщеславие.

Автор исследования согласен с Й. Хейзингой, отмечавшим, что кризис рыцарской идеи в условиях появления огнестрельного оружия и изменения тактических приемов ведения боя, вполне закономерным явлением. Избежать этой участи не удалось даже испанцам, для которых идеал избыточного мужества, воинской славы и необычайной гордости в виду непрекращающихся войн Империи и востребованности военной службы, довольно долго обладал мобилизующей силой. Следование истинным рыцарским ценностям в условиях меняющейся действительности становится невозможным даже в среде потомственных дворян, не говоря уже о «неофитах», которые и вовсе не имели того багажа идеальных ценностей, который был наработан рыцарством в предыдущую эпоху. Все это приводило к тому, что само понятие дворянской чести, обладая внешне большой престижностью, на деле деформировалось, служа пустому самоутверждению. Из «краеугольного камня человеческого общежития» честь превращается в пустое тщеславие, основанное на старых дворянских грамотах, показном богатстве и браваре. Деформация нравственно-психологического содержания этого понятия не позволяла личности обрести

новый идеальный образ, определивший новоевропейский облик личности. В высказываниях героев плутовских романов нет и намека на ту рефлексию, которую, к примеру, обнаруживают рассуждения М. Монтеня по поводу чести, для которого честь, прежде всего, - внутренне достоинство человека, сопряженное с разумом. Это отнюдь не случайно, так как именно в этом просматривается испанский инаковый характер становления нового дворянства, по сравнению со странами Европейского Центра.

В итоге испанский мир, растрчивая свою энергию на пустое тщеславие и самоутверждение, пребывая в состоянии враждебного неприятия тех, кто ассоциировался в его глазах с алчностью и наживой, будь то мориски, евреи или фламандские протестанты, долгое время жил в плену автоматизов имперского сознания, побуждавших его воевать. Но чем дальше, тем больше воевать «спустя рукава». Отсюда и политический крах, символизированный разгромом Непобедимой Армады, в немалой степени сказавшийся на экономическом фиаско Империи.

Вторая глава «Экономические установки испанских пикаро и кризис торгово-предпринимательского уклада конца XVI – первой половины XVII вв.» посвящена междисциплинарному анализу автоматизмов сознания испанских пикаро и симпатизировавших им добропорядочных членов общества, связанных с торгово-предпринимательским укладом. В ней предпринята попытка найти решение центральной проблемы - почему же эрозия прежней готовности воевать не заставила испанский мир обратить свои помыслы к, казалось бы, надежному и достойному средству обустройства жизни – к тому, что связан был с трудом и честной наживой? Решается данная проблема в двух разделах.

В первом разделе «Деформация ценностей труда в контексте кризиса психосоциальной идентичности испанских пикаро» рассматриваются причины слабости торгово-предпринимательского уклада на территории Старой и Новой Кастилии, которые, как оказалось, были связаны не только с временным контекстом конца XVI- XVII вв., но уходили своими корнями в гораздо более глубокое прошлое. В разделе, прежде всего, ретроспективно обозначается общеевропейский вектор движения ментальной материи, связанной с трудовой

сферой. От восприятия труда как тяжелой и безрадостной, во многом унижительной «рутины» бытия, восприятия, сформировавшегося на заре становления раннесредневековой цивилизации в сторону осознания его ценности как средства обогащения, самоутверждения прежде всего представителями успешных городских страт, обретавшими в силу этого позитивную идентификацию со своими занятиями.

На первый взгляд, наметившийся в конце XV – первой половине XVI века на территории Пиренейского полуострова экономический рост, казалась бы, свидетельствовал в пользу распространения в испанском обществе данной тенденции. Однако уже в середине XVI века в Испании, особенно в её Центральной части – Кастилии, отчетливо заявили о себе кризисные процессы, сопровождавшиеся сворачиванием производственной и торгово-предпринимательской деятельности. Глубинные причины этого явления следует искать в плоскости бессознательного, причем не только политико-экономической элиты, но и средних слоев испанского общества, которые не спешили расстаться с традиционными ценностями. Хотя нельзя отрицать и тот факт, что условия испанской действительности переходного периода акцентировали некие важные матрицы сознания и поведения людей, которые не могли способствовать спонтанному направлению энергии общества в производительную сферу но, напротив, блокировали этот процесс.

Фактором, блокировавшим оформление в Испании, говоря словами Э. Эриксона, позитивной идентичности человека труда, следует считать груз негативных ценностей и эмоций, накопленный за весь предшествующий исторический период: это и чувство усталости, истощения, униженности, неизменно связанное с трудом, которое сохранилось со времени раннего средневековья, это и чувство греховности, которое неизменно сопровождало занятие торговлей в этот период, это, наконец, ощущение «нечистоты» ремесленно-предпринимательских занятий, как сферы деятельности «чужаков» - евреев и мавров. Наконец, сравнительно-исторический анализ с германским материалом позволяет сделать вывод, что весь комплекс природно-географических и социально-психологических условий не способствовал

закреплению у испанского бюргерства той дисциплины труда, которая рано сформировалась как фиксированная установка сознания и поведения немецкого бюргерства. Что во многом проливает свет на природу хрупкости ценностей честного труда и наживы на испанской почве.

Неустойчивость новых ценностей, связанных с трудом, обусловленных также и слабостью цеховых структур в Испании, приведет к тому, что начавшийся было оформляться в первой половине XVI века буржуазный уклад, не выдержал своих первых трудностей. В условиях отсутствия протекционистских мер со стороны государства идентичность бюргера претерпевала очень быструю деформацию. В плутовских романах немало прямых свидетельств тому, что, не обрета твердой почвы для «честной наживы», бюргерская ментальность оказалась легко ангажируемой стремлением к «бесчестной». Бесчестная нажива стала второй натурой некогда нормального члена общества, который живет, если судить по текстам романов, не сильно обременяя себя хоть какими-то эмоциями, связанными с представлением о греховности его «труда», которым он именуется воровство и мошенничество. Обращает на себя внимание не столько факт подмены ценностного ряда, свидетельствующий о деформации идентичности пикаро, сколько та легкость, с которой его сознание совершает эту подмену. Настораживает общая атмосфера романов, в которых испытываемый пикаро психологический комфорт, похоже, желанен и многим другим, окружавшим его членам общества.

Однако ничто так прозрачно не выявляет деформацию рассматриваемых ценностей как характер смеха в связи с постоянно повторяющейся темой «фальшивой» или «внешней» религиозности. Заметим, что обретение того, что именуется свободой совести истинного христианина, тесно связано с укреплением стремления к честной наживе. В Испании же стремление к бесчестной наживе, в силу ряда обозначенных выше обстоятельств, одержало победу над желанием работать честно. Следствием этого стало не укрепление внутреннего благочестия и свободы совести (установок, напрямую связанных с формированием буржуазной трудовой этики), а архаизация сознания.

Следует отметить, что актуализировавшиеся стереотипы, связанные с «ренессансом архаики» в романах не несут на себе печати того мрачно-сгущенного социально-психологического фона, который был характерен для сходных процессов в некоторых других европейских странах, в частности для охоты на ведьм, развернувшейся в Германии, Англии и отчасти во Франции, с широко разлитыми настроениями страха и агрессии, которые нередко выливались в кровавые эксцессы. Сниженный регистр эмоций страха, связанных с дьявольским миром, странным образом уживается в текстах плутовских романов с подчеркнутым позиционированием своей набожности, которая, судя по источнику, во многом носит внешне показной характер. Улавливая двойной стандарт собственного диалога с верой и миром, пикаро пытается снять, казалось бы, неизбежное в данном случае чувство моральной ущербности, снизив его осмеянием, в котором слышатся как саркастические осуждающие ноты, так и нотки **непроблематизируемой готовности выжить любым путем**. При всем разнообразии смеховой стилистики обращает на себя внимание преобладание беззлобного смеха по поводу «внешней религиозности». Данная тенденция, маркируя общую для романов атмосферу, в которой нет и намёка на то, что именуется «внутренней религиозностью», в конечном счете свидетельствует о деформации представлений, связанных с честной наживой.

Во втором разделе «Богатство в системе ценностей испанских пикаро: еще раз к вопросу о кризисе идентичности испанцев конца XVI – пер. пол. XVII вв.» предпринята попытка ответить на вопрос, который неоднократно поднимался в испанистике: «почему огромные богатства Нового Света вместо того, чтобы оплодотворить испанскую экономику, стали важным средством накопления капитала для дельцов других европейских стран?»

В большинстве работ по истории Испании в роли виновника «нерационального» использования богатств колоний обычно выступает политическая и экономическая элита общества. Роль городских слоев освещена в научной литературе недостаточно. В исследованиях, посвященных испанскому кризису, можно встретить массу оговорок, свидетельствующих о

причастности самого общества, а не только правящей элиты к банкротству Испанской монархии.

Анализ плутовских романов показал, что преобладающей мотивацией для большинства испанцев этого времени является всепоглощающая жажда денег. Она явилась результатом, с одной стороны, актуализации глубинных установок, связанных с наживой, с другой, сопутствующей утверждению рыночной экономики возрастающей ценности денег. Однако само по себе стремление к обогащению, которое присуще и буржуазному этосу, не нашло соответствующего содержательного наполнения на уровне ценностных мотиваций честного и кропотливого труда и накопления, которые сделали бы это стремление мощным психологическим двигателем развития экономики. Установка на сохранение, а затем и честное приумножение своего состояния не смогла обрести устойчивость. Об этом свидетельствуют многочисленные выпады в адрес скупцов, которые встречаются во всех плутовских романах. В конечном счете, испанцы, охотно идентифицировавшие себя с ловкими авантюристами, удачливыми охотниками за сокровищами, отважными конкистадорами, нежели с «неутомимыми тружениками и успешными торговцами», предпочитали не вкладывать приобретенные средства в производственную сферу, покупая на них земли, недвижимое имущество, предметы роскоши и т.д. или просто пуская их «на ветер». В то же время актуализация образа Фортуны, как силы разрушительной и губительной, одаривающей своими дарами недостойных, свидетельствует о случайном характере обогащения, о беспорядочности, царящей в мире и в головах испанцев.

Третья глава «Гендерные установки сознания и поведения испанских пикаро и деформация духовно-психологических кодов приватной жизни испанцев в раннее Новое время» призвана служить экспертизой выводов анализа, проведенного в предыдущих главах. Она состоит из двух разделов.

В первом разделе «Социально-психологические установки матримониального поведения испанцев в условиях вызова XVII века в зеркале сознания пикаро» проведен анализ трансформации матримониальных установок

сознания и поведения пикаро, а также идалгии и городских слоев, оказавшихся в ситуации социально-психологического кризиса. Историографический материал в сочетании с литературным источником в опоре на используемую технологию междисциплинарного анализа позволил выявить некоторые особенности деформации ценностного ряда, связанного с приватной сферой, и, тем самым, прояснить природу духовно-психологического кризиса.

В условиях системного кризиса, который постиг в означенное время Испанию, когда все «честные» источники дохода, такие как производственная, финансовая, торговая деятельность, оказываются недоступными или сопряжены с огромными экономическими и психологическими трудностями, «нажива любой ценой» становится определяющей установкой сознания. Проникновение этой установки в матримониальную сферу, выявляемой посредством анализа текстов пикаресок, свидетельствует о тотальности и тяжести переживаемого испанским обществом кризиса. Однако «деловая» брачная установка пикаро не имеет ничего общего ни с рыцарским кодом поведения, ни с «честными намерениями» бюргера, который стремился не только укрепить посредством брака деловые отношения со своими партнерами, сохранить или преумножить своё имущество, но и найти хорошую хозяйку для своего дома. В отличие от рыцаря и бюргера матримониальное поведение пикаро определяется в большинстве случаев «жаждой наживы», которую трудно определить как «честную», причем данной деформации подверглись не только установки, связанные с выбором брачной партии, но и весь комплекс установок, регулирующий взаимоотношения между супругами.

Источник также позволяет зафиксировать актуализацию ценностей авторитарно-патриархального типа. В условиях изменяющегося общества патриархальные семейные ценности призваны были играть роль защитного механизма. Испанец, ввергнутый в хаос не сформировавшихся рыночных отношений и остро переживающий трудности затянувшегося Перехода, стремился утвердить себя любой ценой, что неизбежно приводило к настойчивому акцентированию различий между идеальными женскими образами «честной жены», «честной вдовы», с одной стороны, и зловредной

женской природы, с другой стороны. Эти образы свидетельствуют о росте психологической напряженности в испанском обществе. И хотя ведовские процессы в Испании не получили такого распространения как, например, во Франции, тем не менее, обвинения в экономической неудаче звучали не только в адрес этнических чужаков (например, евреев, морисков, гинуэцев и т.д.), но и в адрес женщин, которые выступали зачастую в роли «козла отпущения». Женщина в сознании пикаро выступает не только главным и очень опасным агентом увеличения расходов, но также причиной всех трудностей переходного периода.

Аналогичный психологический перенос в разных вариациях (охота на ведьм, памфлетная война, рост домашней агрессии и т.д.) можно наблюдать и в других европейских странах в раннее Новое время. Однако, если, например, в Англии выход из духовно-психологического кризиса был постепенно найден в виде «разделения общественной и частной сферы», то в Испании обозначенный кризис сознания в матримониальной сфере так и не был преодолен. Мужское население Испании не готово было принять новые установки, вырабатываемые в матримониальной сфере, возможно по причине их неоформленности, неустойчивости (в Испании изучаемого периода формирование буржуазной приватности так и не было завершено). Однако и традиционные установки, зафиксированные в их сознании, прежде всего ценности, свойственные патриархальному семейному укладу, несмотря на их внешне настойчивое артикулирование, в условиях Перехода переставали служить надежным регулятором внутрисемейных отношений. Именно поэтому большинство плутов-мужчин подвергает матримониальную сферу откровенному репрессированию, что на практике нашло выражение, по меткому замечанию Х.А. Маравалля, в «бегстве от брака».

Во втором разделе «Психосоциальная идентичность пикаро и установки, связанные с чувственно-сексуальной сферой как симптом духовно-психологического кризиса испанского общества в раннее Новое время» речь идет о тонких ментальных срезах бытования установок сознания пикаро, связанных со сферой сексуальных и чувственно-эмоциональных отношений. В

разделе обозначен общеевропейский вектор развития, согласно которому эволюцию чувственно-эмоциональных отношений от раннего Средневековья к началу Нового времени можно представить как движение, (подчеркнем, отнюдь не прямолинейно-поступательное), от «полуязыческого эротизма» и «прозаической чувственности» в сторону нарастания эмоционально-духовной окрашенности сексуальной сферы, тесно связанной с утверждением самоценности человеческого «Я», и, как следствие, с признанием равнозначности мужчины и женщины в качестве половых партнеров.

В Испании конца XVI – первой половины XVII в. процесс оцивилизовывания пространства гендерных отношений встретил не только препятствия на своем пути, но обнаружил тенденцию «попятно-возвратного» движения. Испанские исследователи, такие как А. Домингес Ортис, Х.А. Маравалль в своих работах не раз обращали внимание на данный феномен, указывая при этом на глубокий психосоциальный кризис, или как сказал бы Э. Эриксон, кризис идентичности, переживаемый испанцами в указанный период

В плутовских романах можно обнаружить массу примеров, которые могут служить яркой иллюстрацией культивирования испанцами в этот период исключительно телесной составляющей любви. Акцентирование плотского характера любви в плутовских романах является свидетельством вулканического всплеска витальной чувственности в духе Франсуа Рабле, с той существенной оговоркой, что сексуальные отношения служат по большей части средством самоутверждения или наживы, а не получения спонтанного удовольствия обоими сторонами. Прорыв архаических установок, принесших с собой культивирование примитивно-телесной природы половых отношений указывает на *существенную деформацию гендерного кода*. Складывается впечатление, что весь предшествующий опыт постепенного прирастания ценностей индивидуальной облагороженной любви, построенной на взаимной индивидуальной склонности и страсти, был отброшен, как и опыт налаживания равноправного диалога между полами в сфере интимных отношений. Его место заняла конфронтация между мужчинами и женщинами, которая к началу Нового времени усилилась и приобрела характер межсексуального конфликта.

Всеобщая трикстериада в делах любви - знаковое свидетельство системности духовно-психологического кризиса испанского общества. Учитывая, что идентичность имеет системно-целостный характер и её гендерное проявление является органичным общей структуре идентичности, мы можем заключить, что проделанный анализ послужил своеобразной экспертизой выводов, сделанных в предыдущих главах.

В заключении излагаются основные выводы исследования:

1. Подчеркивается эвристический потенциал плутовского романа в плане анализа особенностей менталитета испанского общества и выяснения специфики начальных этапов испанской модернизации, чей информационный ресурс в отечественном историописании используется впервые. При этом особо акцентируется роль полидисциплинарной исследовательской технологии, имеющей в качестве общего методологического фокуса бессознательное в процессе построения комплексной интерпретации пробуксовки раннеиспанской модернизации. Применение данной исследовательской стратегии позволяет, во-первых, реконструировать эмоциональный срез ценностных пластов разных социальных страт испанского общества в раннее Новое время, и тем самым, заполнить те лакуны в объяснении причин и природы «пробуксовки» процессов модернизации испанского общества раннего Нового времени, которые существуют в испанистике, во-вторых, связать существующие макроисторические теории объяснения особенностей раннеиспанской модернизации и имеющиеся конкретно-исторические интерпретации этого процесса.

2. Анализ устойчивых смысловых коллизий плутовских романов, а также комплекса базовых ценностных установок испанских пикаро, проведенный с использованием полидисциплинарной технологии, позволил выявить системный характер духовно-психологического кризиса, в котором оказалось испанское общество в конце XVI – первой половины XVII в. Подтверждением системности переживаемых процессов может служить параллелизм мутаций ценностных установок, связанных с трудом, богатством, честью, религиозностью, государственным служением, браком, а также чувственно-сексуальной сферой.

3. Исследование психосоциальной идентичности маргинального слоя пикаро, а также низшего дворянства и торгово-ремесленных слоев испанского общества, оказавшихся в условиях кризиса в маргинальной среде или симпатизировавших ей показало, что традиционные установки, связанные с экономическим и политическими полями а также приватной сферой, в условиях Перехода, потеряв свою актуальность, не обрели новое буржуазное содержание. Мало того, приобретя деформированный характер, эти установки явились мощным блокирующим фактором испанской модернизации.

Апробация и практическая значимость результатов исследования

Положения работы обсуждались в ходе всероссийских (2000, 2002, 2003) конференций в Томском государственном университете.

Результаты диссертационного исследования имеют практическую значимость для исследователей, интересующихся сравнительными аспектами изучения раннего Нового времени на материале европейских стран, специалистов по методологии исторической науки, интересующихся проблемами ментальности. Кроме того, они могут быть использованы при чтении общих и специальных курсов по всеобщей истории, истории культуры, историографии, источниковедению и методологии истории.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих статьях:

1. Папушева О.Н. Семейно-брачные отношения в Испании второй половины XVI –XVII вв. в контексте теории хабитуса// Труды рубцовского индустриального института. Выпуск 7. Гуманитарные, естественные науки. Рубцовск: Изд-во РИИ, 2000. С.107-114. 0,4 п.л.
2. Папушева О.Н. Испанский маргинал второй половины второй половины XVI - начала XVII века. Автор и герой романа М. Алемана «Гусман де Альфараче» в социально-политическом интерьере// Методологические и историографические вопросы исторической науки. Выпуск 26. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С.113-122. 0,4 п.л.
3. Папушева О.Н. Менталитет испанского общества раннего Нового времени через призму междисциплинарного исследования плутовского романа//

Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. С.84-90. . 0,4 п.л.

4. Папушева О.Н. Между богатством и состоянием: к вопросу об особенностях менталитета испанского общества на рубеже XVI – XVII вв.// Наука - городу Рубцовску: Сб. статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С.56-65. . 0,4 п.л.

5. Папушева О.Н. Ценностные установки испанских «пикаро» раннего Нового времени: тупики и перекрестки междисциплинарного подхода// Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 153-161. . 0,4 п.л.

6. Николаева И.Ю., Папушева О.Н. Особенности ранней модернизации Испании сквозь призму ценностных установок испанских пикаро. (по материалам плутовских романов)// Полидисциплинарные технологии исследования модернизационных процессов / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 81-131. 2,3 п.л.